

ВЕЧНЫЙ СОЛДАТ

К 100-летию Сергея Вуколова

РОДНОЕ И ИСКОННОЕ, деревенское, напевное, плавное и нежное расхочется широкими звуковыми дугами в пространстве...

Помню зимние вечера. Снова дует свежий ветер с севера. Выходит в валенках со двора наша бабушка, Олксевена. Из побиюшка молоко льёт в посудинки, дужкой брякает... До стаяны ещё далеко. Ещё бабушка съедет с прялкой...

"Бабушкины песни" Сергея Вуколова проливаются духовным млеком, и упомянутые в стихотворении персонажи словно оживают тихими огнями простого счастья...

Песня не забывается: слышанная в детстве, она влияет вибрациями своими на всю дальнейшую жизнь. Главное, чтоб песня оказалась правильной.

Сухо и ярко пульсируют стихи Вуколова о войне:

*Когда в последний раз мы разрядили
стволы всех наших грозных батарей,
мир замер, ахнуло:
"Всё же победили!"
В тот миг он озадачен был скорей,
чем изумлен:
взглянул загадку
явил собой наш воин!
Где ответ?
А он, устав смертельно,
сбросил скатку.*

*Спиной к рейхстагу сел,
достал кистет
и, уходящая тех, что подходили,
махнул, как будто дома, у крыльца,
сказал негромко:
"Вот и победили!"
И не добавил больше ни слова...*

Будто проста была немислимая исполненная работа, будто не было ленты подвига и чёрных буден.

Вечный солдат, побеждающий ради правды, вписан сильными и тугими, как гроздь, мазками в пространство поэзии, соиздавшееся Вуколовым.

Вот контраст — пейзажа и тяготы жизни, пейзажа, словно не имеющего отношения к жизни, которая не могла быть простой, когда речь о 1947 году:

*Солнечно.
Снег ноздреватый и старый
тает, как будто горит.
Лес, на ветру разминая суставы,
чёрный лужа стоит.
Сосны кой-где зеленеют да ёлки.
Владо! восклицает лужи.
Русские бабы разбитым просёлком
тащат на спинах мешки...*

Он был из плазмы народа, Сергей Вуколов, и пел народное, казавшееся вечным. Всё изменилось...

Стихи Вуколова остались памятником эпохе.

Александр БАЛТИН

На фото: поэт Сергей Васильевич Вуколов

НАШИ 2020-Е ГОДЫ не перестают удивлять своего зрителя. Тем, кто уже насмотрелся на крупнейшие кинофестивали в формате онлайн и миллион одинаковых фильмов, снятых на вебку, представилась уникальная возможность наблюдать за международным фестивалем класса А в условиях международной изоляции. Нет, Феллини не приехал и не получил главный приз. Это главное, что стоило бы знать о современном кинопроцессе, но есть ещё несколько вопросов, которые можно пока обсуждать, не забывая между делом посматривать на часы Судного дня.

Программа ожидаемая: Иран, Китай, Корея, Индия, Латинская Америка, Россия, Россия, Россия, Россия... И если наши товарищи из дружественных стран лишены раз доказывают, что не европейским кино единым будет сыт разноцветный прихожанин кинотеатров многополярного мира, то в данном случае утверждаем мы, пока не очень понятно. Мой счастье, что я делаю обзор документальной программы и могу оставить львиную долю скепсиса, например, критика программы "Русские премьеры". Тем более что в документальном кино Россия очевидно доказывает себя не с худшей стороны.

Итак. Международная обстановка сделала то, чего долгие годы не удавалось отборщикам фестивалей: внеконкурсная программа лауреатов лучших документальных смотров "Свободная мысль", имеющая свою отдельную преданную аудиторию, оказалась беднее конкурсной. Нет, не слабее, но уж точно она была менее разнообразной и менее посещающей. Очевидно, часть аудитории тоже покинула фестиваль либо окончательно запуталась в датах его проведения.

Конкурс же был и интересным, и в целом качественным. Хотя местами казался неигровой версией программы "Русский след", в том смысле что в конкурсе было аж шесть (!) русских и "отчасти" русских документальных фильмов. Не знаю, по задумке ли организаторов или просто такая картина получилась по итогам предварительного отбора, но одной из главных тем документальной программы оказалась война. А если точнее, социально-политические конфликты. Хотя военные фильмы, как и сами войны, неизменно сопровождают нас на протяжении последнего столетия, и, возможно, этот год просто обострил их восприятие. Но всё же кажется, что их получили немного больше, чем обычно.

ДВА ИРАНСКИХ документальных фильма о войне в Сирии: мощнейшие "18 тысяч футов" (мой безусловный фаворит в конкурсе) и участник "Свободной мысли" — "Дождь и пули". "18 тысяч футов" — фильм о многолетней блокаде боевиками "Ан-Нусры" сирийского города Фуа. Чтобы примерно понимать эффект от картины, представьте, что жители блокадного Ленинграда могли бы снимать свой быт на протяжении всех 900 дней. Только вместо русской зимы тут голая пустыня. И единственный способ передать умирающим в заблокированном городе еду, топливо и боеприпасы — сбрасывать их с высоты не ниже 18 000 футов, где самолёты недосягаемы для орудий боевиков. В центре повествования — история главного героя Ахмета, который каждый день помогает городу, где осталась половина его семьи. И хронике блокады мы видим через семейную хроникера героя. Самый страшный момент в фильме — не просто страшный, абсолютно чудовищный, — когда выезжающим из города детям после трёх лет голода террористы выкапывают заминированный грузовик с чипсами. Вот где ад. Фильм — действительно большая профессиональная работа и важное документальное свидетельство о сирийской войне. Хотя и веры документальным свидетельствам такого рода с каждым днём всё меньше: военная хроника неизбежно льёт воду на мельницу пропаганды. Но если весь мир игнорирует детей Фуа, то, значит, хотя бы здесь российский плащадки могут что-то сделать.

Фильм "Дождь и пули" уже больше про кино, чем про конкретную войну в конкретном месте и времени. Режиссёр раздаёт камеры трём солдатам и на час делает зрителя полноценным участником боя, в дождь ползущим под пулями, переживающим ранение, ожидающим смерти и радующимся пришедшей подмоге. Такой ультрареалистичный "шутер"...

КИНО 20-Х ГОДОВ

О документальной программе ММКФ

НЕ МОГЛО НЕ БЫТЬ российского фильма о Донбассе — ещё одной теме, которую можно обсуждать только в этой части мира. Повестка дня требует, но главный вопрос в том, хороший фильм или плохой. "Квартет" — хороший. Тем лучше, что он студенческий (комплименты и режиссёру, и его мастеру). Тем сложнее, что фильм не просто о Донбассе, а о детях Донбасса, которые, к сожалению, порой становятся общим местом пропаганды и на которых наконец можно посмотреть вблизи, гораздо ближе, чем на плакатах у литовского посольства.

Донецк. Скрипичный квартет детей — три девочки и один мальчик — под руководством преподавателя готовится к своему последнему выступлению в Москве таким составом. Уже почти подростки, "уже не дети, но ещё не люди", под аккомпанемент постоянных обстрелов пытаются нащупать, куда им двигаться дальше: продолжать многолетние занятия музыкой или посвятить свою жизнь чему-то ещё, оставшись в непризнанной республике (фильм снимался в 2021 году) или уезжать. Здесь есть замечательный портрет преподавателя-идеалиста, глядя на которую даже начинаешь верить, что усилия человека по насажению добра в этом мире чего-то стоит. Здесь есть множество живых моментов, в частности извечных мучений маленьких музыкантов в борьбе со своими инструментами и с самими собой. Здесь есть, наконец, хороший портрет детей в самом начале жизненного перелома. Портрет, который действительно чем-то неуповимо отличается от портретов детей, на домах которых нет надписи "Бомбоубежище".

Ещё один фильм о жертвах войны — корейский фильм "206: раскопки". Тоже важное, на этот раз для самих корейцев, социальное высказывание, в центре которого — раскопки мест массовых расстрелов времён Корейской войны. В картине, кстати, здорово поработали со звуком. Разговор о смерти, несправедливой, страшной и никем не обсуждаемой, практически полностью сделан на интершумах, если музыка где-то и звучит, то только в нескольких акцентных сценах. Авторы фильма прекрасно понимают, что действительно серьёзные разговоры требуют тишины.

Фильм о протестах в Гонконге — "Расёмон Гонконг". Антиколониальная "Эми" — о жертвах народа айорое в бесильной борьбе с белыми поселенцами. Тема Второй мировой войны отголосками звучит в "Рок-баритоне", и занимает важное место в "Голубоглазый японце" — документальном байопике о русской легенде японского бейсбола Викторе Старухине, таком классическом зрительском фильме, вполне достойном шорт-листа "Оскара", с совершенно фантастической сюжетной линией.

А если полирнуть всё это фильмами о стихийных бедствиях — "Белой ночью" о жертвах извержения вулкана в Мексике и сокрушительной "Природой" Артавазда Пелешяна, совсем не потеряющей форму на девятом десятке, о неподвластной человеку силе стихий в целом, ну и поставить вишенкой на торте "Святой архипелаг" с его апокалиптическим пафосом, то мы получим полную оптимизма и жизнелюбия картину мира, который летит в чёрную дыру под зычный смех весёлого Джастаса.

Собственно, Джастас — герой российского фильма "Земля больших возможностей", практически единственным фильмом в программе, далёкого от острых социальных конфликтов. Честно говоря, казалось, что снять что-то интересное про фермера Джастаса Уолкера — переселенца из США в Россию и популярного героя интернет-мемов — к 2022 году будет нереально, да и подобные названия уже скрипят на зубах. Но нет, хороший фильм с вынужденной историей о человеке, который на пустом месте возделывает свой сад, и конфликте менталитетов на пути к этому саду.

Достаточно мирным кажется и фильм "Кого люблю" — тоже российская студенческая работа, на этот раз уроженки Финляндии. Вроде бы второе комедийное кино в программе, но отличное описание происходящего на экране придаёт фильму вместе с его названием, взятым из заглавной песни, привкус неизбежной тоски. Финляндия, XXI век. Двое рабочих с Украины и Литвы восстанавливают финну дом, построенный ещё при Российской империи, ведь между собой разговоры на русском языке обо всём на свете... Все идут в баню, потом плачут, занавес.

А ГДЕ ЖЕ, спросите вы, ковчег, на котором можно спастись в бушующем море бесконечных войн и бедствий? Где отдохнуть душой всем нам, странникам в этом мире? "Правильно", — отвечает Сергей Дебижев, — на Соловках". "А что же нам делать?" — "Молиться, конечно (не забывая глядя на часы Судного дня)". И мы с ним совершенно солидарны, если говорить об эсхатологически-религиозной стороне вопроса. Только вот кино и его качество тут, к сожалению, ни при чём.

Победителем 44-го ММКФ стал фильм Сергея Дебижева "Святой архипелаг". И надо бы без иронии объяснить, что с этой победой не так. Ещё раз подчеркнём, что дело не в тематике фильма: его тема благодатная во всех смыслах, дело в том, как он сделан, а точнее, не сделан. Само описание картины укладывается в пару строчек, ко-

режиссёра и оператора — эту невидимую на первый взгляд борьбу сделать для зрителя видимой. На то это и фильм — визуальное произведение. Но нет, мы поговорим в закордонном тексте о борьбе абстрактно, даже не расскажем каких-то личных историй, а в кадре будем пасторально кормить чаек и синичек, мирно кося сено, печь просфорки, плавать на лодке и гулять на природе. Тихь да глады да Божья благодать. Хотя в самом ежедневном монашеском труде можно было найти столько визуального материала...

Бесконечные пейзажи с коптера и таймлапсы Соловков. По ощущениям, они составляют примерно 50 процентов фильма. Да, качественные съёмки, да, эстетичные. Ну и что? Они бессодержательные. Это самое очевидное, что можно было наснимать, и снять это мог любой более-менее профессиональный видеограф, приехавший на Соловки в сезон, в хорошую погоду. Содержательный пейзаж — это вообще большая редкость, поэтому ими стараются не злоупотреблять. Не случайно преподаватели фотографии просят учеников "не снимать красивое", потому что передать красоту невоображаемо — очень сложно. Получается просто, простите, видеофиксация.

За молитвенный труд тут отвечают постановочно посаженные за ночную молитву монахи и немного заснятых богослужений. Причём крупных портретов на этих богослужениях тоже нет. Есть сцена

Кадр из фильма «Святой архипелаг»

торые практически полностью отражают суть проблемы. "Святой архипелаг" — это клип, состоящий в основном из пейзажей Соловков, на музыку Вячеслава Бутусова, перемежающийся цитатами из Священного Писания, прочитанными закордонным голосом, и короткими фрагментами интервью монахов о монашестве и погибающем мире. Всё. Раньше это называлось "видовой фильм".

Музыка не прекращается ни на минуту, нет ни одного живого куска на интершумном разговоре, вообще атмосферы монастыря, где мы просто сидели бы в тишине и подумали бы о вечном — нет. Всё забыто музыкой. Притом что она не то чтобы плохая (Вячеслав Геннадьевич — переселенца из США в Россию и популярного героя интернет-мемов — к 2022 году будет нереально, да и подобные названия уже скрипят на зубах. Но нет, хороший фильм с вынужденной историей о человеке, который на пустом месте возделывает свой сад, и конфликте менталитетов на пути к этому саду.

Достаточно мирным кажется и фильм "Кого люблю" — тоже российская студенческая работа, на этот раз уроженки Финляндии. Вроде бы второе комедийное кино в программе, но отличное описание происходящего на экране придаёт фильму вместе с его названием, взятым из заглавной песни, привкус неизбежной тоски. Финляндия, XXI век. Двое рабочих с Украины и Литвы восстанавливают финну дом, построенный ещё при Российской империи, ведь между собой разговоры на русском языке обо всём на свете... Все идут в баню, потом плачут, занавес.

режиссёра и оператора — эту невидимую на первый взгляд борьбу сделать для зрителя видимой. На то это и фильм — визуальное произведение. Но нет, мы поговорим в закордонном тексте о борьбе абстрактно, даже не расскажем каких-то личных историй, а в кадре будем пасторально кормить чаек и синичек, мирно кося сено, печь просфорки, плавать на лодке и гулять на природе. Тихь да глады да Божья благодать. Хотя в самом ежедневном монашеском труде можно было найти столько визуального материала... Бесконечные пейзажи с коптера и таймлапсы Соловков. По ощущениям, они составляют примерно 50 процентов фильма. Да, качественные съёмки, да, эстетичные. Ну и что? Они бессодержательные. Это самое очевидное, что можно было наснимать, и снять это мог любой более-менее профессиональный видеограф, приехавший на Соловки в сезон, в хорошую погоду. Содержательный пейзаж — это вообще большая редкость, поэтому ими стараются не злоупотреблять. Не случайно преподаватели фотографии просят учеников "не снимать красивое", потому что передать красоту невоображаемо — очень сложно. Получается просто, простите, видеофиксация.

За молитвенный труд тут отвечают постановочно посаженные за ночную молитву монахи и немного заснятых богослужений. Причём крупных портретов на этих богослужениях тоже нет. Есть сцена

нам обучение в киношколах, если можно просто выбрать богоугодную тему, наснимать пейзажей и подложить музыку. Я надеюсь, что если кто-то из съёмочной группы прочтёт отзыв, то не воспримет его как личное оскорбление. Мы всё-таки за хорошее кино, и надо было обо всём об этом обязательно сказать. Потому что поток восторженных отзывов средним картина очень снижает планку кино в целом и требования режиссёров к самим себе. Давайте снимать кино про добро, свет и Церковь, как призывает Дебижев, — пожалуйста, только пусть кино при этом будет хорошим.

Что ж, будем ждать следующего фестиваля в стремительно меняющемся мире. И всё-таки, неужели нельзя человечеству взять и научиться на своих ошибках? Как сказал один мой друг, нет ни одного человека, который научился бы совсем не повторять собственных ошибок, чего уж тогда говорить о человечестве.

Анна АМЕЛИНА

* Запрещённая в РФ террористическая организация

"Я как раз посерединке жизни собственной стояла, — На Полянке, на Ордынке Тихо музыка играла" Юнна Мориц

ЭТО, ПОЖАЛУЙ, самая изысканная выставка сезона — "Цвет Москвы. Люди, город, колорит" — в Музее Василия Тропинина. Мы задаёмся вопросом: какого цвета Москва? Белокаменная? Красная? Пёстрая? Солнечная или серовато-унылая? У каждого будет свой ответ на вопрос. Знаменитый модельер начала XX века Поль Пуаре называл Москву "преддверием Востока" и замечал в ней яркость, до которой был охоч, — его восхитили платки, ярмарки, смесь европейского бон-тона с полуазиатской экзотикой, а его младшая коллега Эльза Скиапарелли увидела уже в эпоху Сталина мириады белых парашютов на авиационном празднике, белых платьев и штанов (Остап Бендер совершенно зря мечтал о Рио-де-Жанейро).

Где цвет, там и свет: московские окна, иллюминация, темнота переулков и дворов, фантастические закаты и рассветы. Цвет и свет имеют в русском языке массу оттенков. Цвет — не только лишь колер, это ещё и "лучшие люди", цвет Отчества, равно как свет — электромагнитное излучение, воспринимаемое человеческим глазом, а ещё — высшее общество, хайлайф. На выставке в тропининском особнячке, затерянном в переулках старого Замоскворечья, меж Ордынки и Полянок, есть и цвет, и свет: и

ЦВЕТ МОСКВЫ

Выставка в Музее Тропинина

господа при орденах, и купчихи в шляхах, и усадьбы, и виды милых деревенек, считающихся ныне Москвой.

ЗДЕСЬ МНОГО известных полотен. Так, представлена очаровательная "Девушка с горшком роз" Василия Тропинина, давно ставшая неформальным символом этого музея, а есть забытые или малоизвестные вещи. Тренд современных экспозиций — совмещать хрестоматийные шедевры с полузабытыми и средними работами, что создаёт цельное, а не фрагментарное ощущение эпохи.

Часто "второразрядные" картины дают простор для мыслей и даже фантазий. Вот пейзаж Константина Герца (немецкого шурина самого Алексея Саврасова) "Московский дворик с церковью при вечернем освещении". Волшебство тёплого вечера, силуэты построек, земля отдаёт накопленный жар, хозяйка, разведившаяся бельё. К слову, редкий сюжет для русских пейзажистов. Дворик с бытовой фабрикой представляется написанным чуть ли не в 1970-е годы, когда это было в ходу, и тут же вспоминается момент из "Служебного романа", где Новоселычев, живущий в центре, точно так же вывешивает на улице выстиранную одежду. Герц не мог похвастаться идеальной техникой, зато обладал чувством натуры.

Ещё одна нетипичная картина — "Кузьминки. Конный двор. Собака на фоне пейзажа", написанная Иоганном Раухом, швейцарцем, десять лет подвизавшимся в Москве. Портреты питомцев были характерны для Англии, но не для континентальной Европы и России, в частности. Животные являлись дополнением к основному сюжету, но здесь герой именно пёс, а конный двор с роскошными Кузьминками — декорация. Пейзажная обыченность — это "Вид села Медведково" Василия Раева, академиком из бывших крепостных, популярного мастера исторических полотен и сентиментальных, эстетизированных видов. Медведково предстаёт как идиллическое место с тихой природой, церковью и несчастливыми водами Яузы.

того, что Россия и до революции входила в число индустриально развитых держав (в те времена шоу "с лампочками" позволяли себе исключительно в США, где электричество было чем-то вроде идола и навязчивой идеей). Мы видим полностью освещённый Кремль, что в условиях малоэтажной Москвы смотрелось, как волшебный чертог, видимый отовсюду. Никакой сдержанной лапотноности — электрификация шла своим ходом.

Белокаменная — торговле-промышленный город, и если Петербургом "правили" чиновники, то Москвой — negociants. На выставке — серия купеческих портретов, за каждым из которых стоит история рода и коллективная биография московцев. Заманчивые образы. Вот могучие дельцы с привычными бородами. Умные, пронзительные глаза, мужицкая стать, крутой нрав. Оба купца при медалих с профилем Александра I, какими награждали за выдающиеся заслуги перед Отечеством. Авторы портретов неизвестны, как и заказчики, но видна академическая школа.

Рядом купчиха при модной шляпе, как это было заведено в 1820-х годах, когда шаль считалась признаком обмечанности и богатые дамы хвастались друг перед другом умением галантно драпироваться. Эта женщина просто накинула её, как платок, зато поверх всего белеет странной кружевной воротник, написанный явно после того, как портрет был завершён. Она надела на себя всё лучшее! Картина создана выдающимся специалистом купеческих портретов Николаем Мыльниковым. Тот работал скрупулёзно, быстро, а главное — умел общаться с самодурами, каковых среди его клиентов бывало много.

И опять слом стереотипов! Расхожий образ купечества — это непременно кафтаны, борды, сапоги "бутылками", удал и ухарство. Есть ошибочное мнение, что русские предприниматели начали обтёсываться к семидесяти годам XIX века, а некоторые сохраняли приверженность дедовской старине до октября 1917 года! Реальность куда как разнообразнее. На диптихе Василия Тропинина показана чета Киселёвых, и хотя портреты писаны в Москве в середине 1830-х, — это именитая семья из Шуи. Диомид Киселёв был образованнейшим человеком, библиофилом, знал иностранные

языки и переписывался с английскими партнёрами, не прибегая к услугам переводчиков. Его жена — Александра Лазарева — слыла утончённой дамой, её можно было бы принять за аристократку. На портретах изображены лошадки и по-европейски одетые люди: он — за письменным столом, она — в кресле.

Ещё один собиратель библиотек и полиглот — Алексей Хлудов, изображённый крепким живописцем-ремесленником Николаем Заваруевым на фоне города. Хлудов, не получивший целенаправленного образования, до всего доходил самостоятельно. Был хватким и сильным, но и добросердечным — активно занимался благотворительностью. Помимо всего, состоял в Московском археологическом обществе, пожертвовав крупную сумму на реконструкцию и отделку бывших палат думного дьяка Аверкия Кириллова. Это по сию пору одна из московских достопримечательностей. На картине Хлудов больше напоминает какого-нибудь писателя-романтика или драматурга, переиначивающего европейские легенды, чем нормовистого купчину.

Смешной рисунок неизвестного карикатуриста — "Сборы на бал в купеческом доме". Судя по форме и величине дамского кринолина — точная середина 1850-х годов, когда эффектное сооружение для придания пышности юбкам достигло пиковой ширины. Мы наблюдаем заполненный гвалт. Всё смешалось: маманья гневается на служанок, а у зеркала красуются дочки — талии дивно-тонкие, волосы уложены "а-ля королева Виктория", да и сами девицы будто бы не отсюда, не из этого "орущего" дома, и, как Липочка из пьесы Александра Островского, мечтают о благородных кавалерах.

СОЦИАЛЬНЫЕ ЛИФТЫ Российской империи — предмет малоизученный, тогда как и в те годы талант мог пробиться с самого низа. Пример тому и сам Тропинин, крепостной семейства Минихов, и многие его модели, сделавшие изумительную карьеру. Вот лицо Василия Знева, крупного реставратора alexandrovской и николаевской эпох, вольноотпущенника князя Касатиних-Ростовских. Энева был другом Тропинина, и этот портрет едва ли не лучшая работа на выставке. Тонко передан испуганный и неуверенный взгляд человека, получившего право распоряжения своей жизнью только в 43 года, будучи уже приравненным в хороших домах Москвы и Петербурга. Крепостной интеллигент мог вращаться в высшем нобилитете, одеваться в лучших магазинах, но при этом не смел без дозволения господина даже сменить квартиру.

Кстати, о господах! Москва славилась роскошными собраниями и "ярмарками невест", куда, как все помнят, привезли Татьяну Ларину. Московский бомонд отличался от петербургского простотой в обращении, хлебосольством, богомольностью и фанфаронскими тратами, чем казался близким к купечеству. В ряду портрет Сергея Кушникова, племянника Николая Карамзина. Будучи петербургским вельможей, Кушников любил Москву и в жёны взял москвичку Екатерину Бекетову, имевшую отношение к купцам-миллионерам Мясниковым. Художник отлично знал своего героя, состоял с ним в приятельстве — перед нами ироничный, немного лукавый и надменный, но положительный во всех смыслах персонаж, всю жизнь трудившийся и не дававший спуску другим.

Совсем иной типаж — Сергей Голицын, ещё один заказчик Тропинина. Тайная кручина под видом хладнокровия, погуляшка, скванность. Потомок пышного рода и владетель уже упоминавшихся Кузьминок, Сергей Михайлович был нечастником в личной жизни, ибо его жена — Авдотья Измайлова — носила прозвище princesse Nocturne, "ночная княгиня", что намекало на её любовные похождения. Авдотья просила развода, но Голицын ей отказал — чета жила порознь. Когда же он сам влюбился в молодую фрейлину Сашеньку Россет, одну из пушкинских муз (да-да, муз, а не любимиц!), то уже Измайлова из места не дала согласия на расторжение брака.

В любой из этих картин — история страсти, ненависти, капитала, благополучия и незадавшихся взлётов, дерзаний, стремлений, утраченных "точек сборки". Допустим, "Портрет мальчика с собакой на фоне Красных ворот" Павла Колендаса являет нам те самые Красные ворота, что остались в топонимике, но триумфальное сооружение было демонтировано в 1920-х годах в целях расширения Садового кольца. Тогда мечтали выстроить Город Солнца, разрушив значительную часть московских построек. И, конечно, центральный экспонат — настоящая московская тема, автопортрет Василия Тропинина, где позади — Кремль. Художник искренне любил Москву и москвичей, часто прогуливался и подмечал: какого же цвета его город? На Ордынке, на Полянке, Таганке, Пречистенке и Остоженке, по холмам и — вдаль, за Рогожскую заставу! А цвет Москвы — разный. Всё зависит от точки зрения.

Галина ИВАНКИНА

Иллюстрация: "Портрет мальчика с собакой на фоне Красных ворот", художник П. Колендас